

ІСТОРІЯ ЛІТЕРАТУРИ

Ткаченко К.

– кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Донбасского государственного педагогического университета

УДК 821.161.-31.09"18"

ВОСПРИЯТИЕ ЧИТАТЕЛЕМ И ЛИТЕРАТУРОВЕДОМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (на материале прозы А. С. Пушкина)

В статье анализируются особенности понимания и восприятия читателем и литературоведом прозаических произведений А. С. Пушкина с точки зрения художественного анализа.

Ключевые слова: читатель, литературовед, анализ художественного произведения, персонаж.

Ткаченко К.

– кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови та літератури Донбаського державного педагогічного університету

СПРИЙНЯТТЯ ЧИТАЧЕМ І ЛІТЕРАТУРОЗНАВЦЕМ ХУДОЖНЬОГО ТВОРУ (на матеріалі прози О. С. Пушкіна)

У статті аналізуються особливості розуміння й сприйняття читачем і літературознавцем прозаїчних творів О. С. Пушкіна з точки зору художнього аналізу.

Ключові слова: читач, літературознавець, аналіз художнього твору, персонаж.

Tkachenko K.

– Candidate of Science (Linguistics), Associate Professor, Russian Language and Literature Department,
Donbas State Teachers' Training University

PERCEPTION BY READER AND LITERARY CRITIC OF ARTISTIC WORK (on material of prose of A. Pushkin)

In the article the features of understanding and perception are analysed by a reader and literary critic prosaic works of A. Pushkin from point of artistic analysis.

Keywords: reader, literary critic, analysis of artistic work, character.

Постановка проблеми. Проблема отличия наивно-реалистического восприятия обычным читателем художественного произведения, событий и героев от восприятия литературоведом требует решения и для филолога-студента, и для филолога-преподавателя.

Литературовед не может не опираться в своем анализе на совершенно определенные социально-исторические и социально-психологические сведения, определения. Литературовед, как и любой читатель, не может отречься от эффекта присутствия при чтении произведения, не может читать ради последующего анализа. Приключения героев, их слова, мысли и чувства закономерно

воспринимаются читателем как слова, мысли и чувства реальных людей.

Однако, становясь литературоведом, читатель должен совершить усилие перемены перспективы восприятия. В прямой, наивно-реалистической перспективе статус изображаемых событий соответствует статусу более или менее сильного внешнего впечатления, послужившего непосредственной причиной создания произведения. В такой перспективе для читателя вполне актуальны причинно-следственные связи, известные ему по собственному жизненному опыту; событие понимания, соответственно, состоит в установлении причинных связей между событиями (мыслями, чувствами) на том уровне и в таких формах, в каких эти причинные связи возможны в реальной действительности. Так, решение героя жениться столь же мало способно вызвать стихийное бедствие, сколь маловероятно такое событие в привычных нам обстоятельствах.

Цель статьи. В нашей статье мы анализируем особенности восприятия читателем и литературоведом событий художественного произведения под разным углом зрения на примере прозаических произведений А. С. Пушкина.

Изложение материала. В аналитической перспективе изображаемые события не предшествуют событию собственно изображения, но совпадают с ним во времени. Событие изображения в таком случае не отражает, в частности, ту или иную конфликтную ситуацию, а является событием ее, этой конфликтной ситуации, разрешения. В полной мере сказанное относится и к изображаемым событиям. Событийно-фабульный ряд разворачивается как событие разрешения конфликта, противоположного действительности, понятой наивно - реалистически. В такой перспективе и причинные связи имеют совсем иной характер. Строго говоря, причиной того или иного фабульного (изображаемого) события не может быть событие (жизненное) того же, фабульного ряда, но только – событие изображения, т. е. художественное. Собственно художественное событие состоит в отстранении от ролевой определенности. Отстранение от ролевой определенности не представляет собой, вообще, нечто редко случающееся в человеческой жизни. Это отстранение входит в содержание любого человеческого поступка. Всякое человеческое намерение представляет собой намерение самоизменения, соответственно, включает в себя самоотчет, в том числе, и относительно собственной ролевой определенности. Другое дело, что изнутри своего поступка человек видит себя здесь и сейчас несовершенным в виду угадываемого намерением самоизменения совершенства. Это видение – прямая перспектива наивно-реалистического чтения. В обратной перспективе, учреждаемой завершенным поэтическим высказыванием, поскольку из этой перспективы ясна равнозначность любых *здесь и сейчас*, соответственно, любых человеческих определенностей, единственно

значимой представляется несомненность неисчерпаемости человека ни в одной из жизненных форм, претендующих на полноту овладения им.

Анализ обнаружил такую особенность в поведении главных героев как неспособность точного именованя. Анализ также показывает непригодность всякого рода психологических объяснений этой неспособности. Так, в частности, искажающей картину, оказывается попытка приписать ложь или трусость Петру Гриневу в его отношениях с Пугачевым. Примечателен также отказ персонажа пояснять свое состояние и мотивы в моменты решающих поступков.

Таким образом, мотивация поведения персонажей лишается индивидуальной определенности во всех смыслах этого слова: ключевым словом в критических моментах повествования слишком часто оказывается слово *вдруг* или *смутно*.

В то же время, ни в коем случае не приходится говорить ни о безволии персонажей как субъектов изображаемых событий, ни о безответственности повествователя как субъекта изображения: неспособность к именованию приводит героев в «Капитанской дочке» к значимому отречению от имени, каковое претендует на роль собственно эпического события. Мы говорим в данном случае об эпическом событии еще и потому, что при таком отношении к природе события проясняется и статус эпического персонажа. А именно – субъектная активность отречения от имени свидетельствует об активности персонажа собственно эпической природы.

Именно в этой сфере разворачивается конфликт сообществ. Однако присущая ему интуиция эпического события в его сути сказывалась, безусловно, и в других прозаических опытах. Можно предположить, что так долго не дававшаяся ему проза потому и не давалась, что требовала иного персонажа, иного субъекта творческой активности, нежели романтический бунтарь, фигурировавший в повестях того времени. Сообщество, играющее ключевую роль в процессах жанрового самоопределения пушкинской прозы – семья. Непосредственным основанием для введения этого понятия в центр нашего внимания при жанровом анализе является тот факт, что учреждение семьи сообщает глубинную проблему причастности человека как к естественно-родовому типу сообщества – народу, центральному герою эпопеи, так и к формально-принудительному типу – государству, определяющего архитектонику, например, классицистической трагедии. Непосредственное осуществление, самореализация сообществ такого типа происходит в актах самопожертвования - самоотречения, которых они требуют от человека во имя ценностей, превышающих ценность индивидуального существования. Семья представляет собой тип сообщества, посредствующего между народом и государством. Ближайшим, психологически понятным с точки зрения фабульных закономерностей соответствием такого события и является событие отречения от

имени – событие самозванства в широком смысле слова. С нашей точки зрения, жанровое своеобразие «Капитанской дочери» определено своеобразным участием в становлении художественного целого такого идеального типа сообщества, как семья.

Подтверждение не случайности такого аспекта жанрового анализа мы видим в тех прозаических опытах А. С. Пушкина, в которых проявления надындивидуальной активности могут быть обнаружены с достаточной убедительностью. Мы имеем в виду «Повести покойного Ивана Петровича Белкина».

Повествование в «Повестях ...» столь же проблематично с точки зрения точного определения личностных характеристик повествующей «инстанции», сколь и в повествовании «Капитанской дочери». Несущественная разница состоит лишь в том, что внутреннее пространство рассказывания в «Капитанской дочке» ограничено фигурами Гринева в молодости и Гринева-мемуариста, а в «Повестях ... Белкина» – распределяется между несколькими рассказчиками-посредниками. Несущественным мы назвали это различие постольку, поскольку, так сказать, качественный эффект такой повествовательной дифференциации оказывается одним и тем же в обоих случаях. Это проявляется в том, что часто ключевые моменты повествования не контролируются персонажами, что было бы очевидной натяжкой в случае непосредственного *Я-рассказывания* или же безличного *нарратива* от третьего лица. Это *разрежение* повествования представляет для нас еще и тот интерес, что именно в моменты такого «разрежения» в повествование входит, направляет его творческая энергия надындивидуального свойства.

Образы промежуточных рассказчиков, упомянутых в предисловии «От издателя», как правило, не привлекают специального внимания. Исключение в этом отношении – как, впрочем, и в некоторых других – составляет статья О. Поволоцкой «Метель». Статья эта резко полемична. Приведем несколько выдержек, дающих достаточно цельное представление о позиции исследовательницы: «Одна из первых фраз, которая знакомит читателя с героиней повести, выглядит иронической характеристикой: «Марья Гавриловна была воспитана на французских романах и, следовательно, была влюблена». [1, с. 190].

Слово *следственно*, в сущности, того же происхождения, что и союз *и* в портрете Марьи Гавриловны: «...стройная, бледная и семнадцатилетняя» [2, с. 68]. Персонаж в этих высказываниях выступает именно как персонаж – и поэтому здесь нет ни иронии, ни чего-либо подобного. Однако не следует и прорываться сквозь повествование к действительному, исконному образу. Марья Гавриловна и Владимир существуют в неразличимых видимом и настоящем контекстах.

Несовпадение контекстов, оформленное Машей и Владимиром как персонажами, порождает, вызывает метель, поскольку в персонажах нарушается *созданное* повествователем равновесие

романического и патриархального. Своеобразная логика повествования (“была воспитана на французских романах и, следственно, влюблена”) сменяется *остраняющими* (казалось, как будто): «Метель не утихала; ветер дул навстречу, как будто силясь остановить молодую преступницу» [2, с. 79].

Бурмин – как персонаж – как бы *рассечен* своим поступком на удалого гусара и верного мужа.

Несообразность *ни с чем* – это стимул повествования и в «Метели», и в остальных повестях Белкина. Короткая история отношений Маши и Бурмина держится той же несообразностью с поправкой на то обстоятельство, что влюбленные пытаются жизнь *вместить в роман*.

Несообразность ни с чем – эффект прямого вмешательства в течение событий некой идеальной перспективы, которая не поддается пояснению ни с одной из доступных персонажам позиций.

Парадоксальным образом брак в этой повести предшествует любви. Можно уточнить – не просто предшествует, но оказывается немаловажным фактором ее возникновения, если принять во внимание то обстоятельство, что взаимный интерес героев в немалой, если не в решающей степени возник в результате обоюдной таинственности, необычности, вызванной, как знает только *читатель*, верностью невольно взятым на себя брачным обязательствам.

Несообразность ни с чем этих событий онтологически подкреплена многоуровневым повествованием. Поскольку в этом пункте нашего анализа возникает опасность неточного понимания нашего тезиса, мы должны остановиться на его прояснении с этой точки зрения. Опасность состоит в том, что творческую активность сообщества – семьи как персонажа эпического высказывания нельзя, в данном случае, смешивать с частным благородством Бурмина и Марии Гавриловны: объяснять произошедшее, исходя из их личных качеств: богобоязненности, умением хранить верность и пр. Не в том, конечно, смысле, что в этих качествах персонажей можно усомниться. Это – не путь *литературоведческого* анализа в строгом значении этого понятия. В контексте нашей проблематики мы подчеркиваем важное следствие из этого небольшого анализа: учреждение семьи не предшествует событию самоотречения, не следует за ним, а совпадает с актом самоотречения в какой бы форме этот акт ни происходил: отречение от имени (Пугачев как посажённый отец) или от любимой женщины (Бурмин).

Перспективы дальнейших исследований пушкинского повествования допускают перспективу анализа, в которой становится очевидной связь между повествованием, организованным актом отречения от авторства и рассказываемыми событиями. Эта связь оказывается возможной постольку, поскольку многоуровневое повествование самим фактом своего осуществления не просто допускает, но требует разрешения событийных мотивировок с точки

зрения и читателя, и литературоведа на разных уровнях, требующих сближения.

Литература

1. Поволоцкая О. «Метель»: коллизия и смысл. Москва. 1989. № 6. С. 188–195.
2. Пушкин А. С. Романы и повести. Путешествия. Москва; Ленинград: АН СССР, 1948. 496 с. (Полное собрание сочинений, 1837 – 1937: в 16 т. Т. 8).
3. Рogaцкина М. Л. Маша Миронова. *Двадцатый век – двадцать первому веку: Юрий Михайлович Лотман*: материалы международного семинара, 9–10 февраля 2002 года. Смоленск: Универсум, 2003. С. 38–49.

Бондаренко Г.

– кандидат педагогических наук, доцент кафедры украинской речи та літератури Донбаського державного педагогічного університету

Шевченко В.

– студентка IV курсу російсько-українського відділення філологічного факультету Донбаського державного педагогічного університету

УДК 821.161.2-311.6.09

ПРОБЛЕМИ ФОРМУВАННЯ МОРАЛЬНО-ЕСТЕТИЧНИХ ПРИНЦИПІВ ОСОБИСТОСТІ У ТВОРЧОСТІ ІВАНА ФРАНКА кінця XIX – початку XX ст.

У статті доведено важливість морального та патріотичного виховання учнів на прикладі творчості Івана Франка. Проблема морально-естетичних принципів особистості у творах Івана Франка виступає органічною частиною особистої культури кожного українця, впливає на формування української ментальності. І в характеристиці героїв письменник досягає глибокої психологічної мотивації. Виражаючи у своїх поезіях корінні національні й соціальні інтереси українського народу, І. Франко стає виразником і захисником його інтересів.

Пошуки й знахідки художнього осмислення образу України, яку натхненно оспівував І. Франко, переконують у тому, що любов до рідної землі і до людей – неподільні. Франку властива мужня моральна причетність до суспільного життя. Твори І. Франка акумулюють духовний набуток поколінь. Його твори – джерело нашої духовності, совісті, гідності, національної неповторності.

Вірші поета мають таку велику силу, бо сповнені щирої любові до рідної землі. Провідною темою творчості поета є тема любові до України, вболівання за долю її народу, біль і туга за рідним краєм. Поезія давала можливість митцеві поділитися своїми думками, почуваннями й міркуваннями щодо завдання поета в суспільстві, творила систему відношень поета до світу, перетворювалася на своєрідний моральний імператив.

Показано, що творчість І. Франка пробуджує несвідомі архетипові способи сприйняття світу й буття, звертає нашу увагу на ті явища природного довкілля, які здаються нам буденними й недооцінюються у вихованні, слугує багатим джерелом естетичних почуттів, отриманих від поетично змальованих пейзажів, які впливають на високу духовність закоханих.

Виявлено, що творчість І. Франка пробуджує в нас велику милосердну любов до людини і великий неповторний гнів до несправедливості й зла.